

Гарри быстрым шагом направился к своей комнате, желая покинуть замок, который вскоре будет кишеть чиновниками Министерства, разыскивающими и Котоне, и его самого. Он улыбнулся при мысли о двух своих девочках, которые отправились искать для него подарки на день рождения, но эта улыбка была недолгой. Мысль о собственном дне рождения напомнила ему, что он достигнет возраста совершеннолетия в волшебном мире и сможет без ограничений использовать магию; но это заставило его болезненно осознать пустоту в кармане... пустоту там, где раньше всегда лежала его любимая палочка из остролиста. Ему уже не хватало успокаивающего ощущения деревянного стержня на бедре.

Пока он шел, то на секунду задумался, хватит ли у него времени, чтобы посетить Выручай-комнату, чтобы наполнить «едой» для Котоне еще одну клетку, но отбросил эту идею, ведь у него не было палочки. Как бы то ни было, он уже больше не может рисковать, и без палочки любому волшебнику будет до смешного просто его поймать. Он найдет другой способ достать для нее еду. Может быть, маггловский зоомагазин...

Гарри вошел в свою комнату и несколько мгновений оглядывался по сторонам, чтобы убедиться, что ничего не оставил, но вскоре он понял, что вообще не приносил в комнату никаких своих вещей. Он подошел к своему камину, взял горсть летучего пороха и бросил его через решетку. Он шагнул в волшебный огонь, чувствуя вокруг себя теплое щекочущее ощущение зеленого пламени, и уже открыл рот, готовый сказать место назначения.

Его поразило осознание. Гермиона сказала ему, что она использовала заклинание Фиделиус, но так и не сказала ему, где находится то место, в котором они были. От этой мысли он резко выдохнул, и его рот наполнился кусочками золы и горячего пепла; это было как в самый первый раз, когда он путешествовал по каминной сети. Он вышел из-под решетки, кашляя и сплевывая и гадая, как он теперь собирается вернуться домой.

Он решил, что Рону, Полумне и Котоне уже сообщили о местонахождении дома, чтобы они могли приходить и уходить, когда захотят. Гарри понимал, что он не может оставаться в замке, но куда он мог пойти, чтобы Гермиона знала, где его искать, а министерство — нет? На ум пришла лавка близнецов, но бродить по Косому переулку без отцовского плаща было не самой лучшей идеей. Он подумал о Норе, но это было одно из тех мест, где его поджидало министерство, и, скорее всего, они наблюдали за этой местностью. Ему на короткое время пришла в голову идея зайти в дом миссис Фигг и отправиться на Тисовую улицу, ведь Гермиона уже однажды смогла его там найти. Это тоже звучало не очень привлекательно. Но, возможно, это дало бы ему шанс пересидеть там до прихода Гермионы.

Он взглянул на свою обувь, вспомнив о заклинании слежения, которое наложила Тонкс, и задумался — а до сих пор ли оно действует? Если это так, Гермиона сможет его найти, куда бы он ни пошел; но оставался исходный вопрос... А куда ему идти?

Он вспомнил о коробке с документами, которую он забрал из своего почти пустого хранилища. Гарри подумал, что он же видел список собственности, которой он владеет. Конечно же, во-первых, это дом на Тисовой улице. Еще была Годрикова впадина, но ему сказали, что там ничего нет. Гарри напряг память и попытался вспомнить другие места. Названия нескольких мест были как-то связаны с рыбой. Одно место он запомнил точно, только потому, что его название показалось ему забавным... «Лагуна любви Лили». Название было очень

интригующим.

Решив, что ему все равно нечего терять, он поспешно написал записку. Записка, которую обязательно поймет Гермиона, но кто-то другой, увидевший ее, никогда не догадался бы о ее истинном смысле.

«Я улетел на пляж в короткий отпуск. Если вам нужно со мной связаться, просто загляните в бумажную коробку и никогда не забывайте, потому что я точно не забывал.

Профессор Гарольд Бак»

Гарри оставил записку на видном месте на столе, стоявшем рядом с большим диваном у камина. Он взял еще одну горсть пороха, бросил ее в камин и четко произнес:

— Лагуна любви Лили.

Он почувствовал, как решетка, на которой он стоял, исчезла у него из-под ног. Он развел руки в стороны, пока каминные решетки мелькали одна за другой. После нескольких минут головокружительного путешествия среди зеленого пламени без всяких признаков замедления он всерьез заволновался.

Всякий раз, когда он раньше передвигался с помощью камина, путешествие обычно длилось всего несколько мгновений, иногда до тридцати секунд, но так долго — никогда. Еще он заметил, что становилось все меньше и меньше мелькающих мимо каминных решеток, а промежутки между ними становились все длиннее, пока они, наконец, совсем не исчезли; вокруг была просто дезориентирующая пустота за пределами окружавшего его зеленого пламени.

Непрерывное вращение усиливало тошноту, которую уже чувствовал Гарри. Как только он решил, что больше не выдержит, перед ним промелькнула каминная сетка. Отчаявшись освободиться из камина, он всем телом рванулся вперед и растянулся на огромном ковре из шкуры белого медведя перед большим камином.

Гарри закрыл глаза, тяжело дыша и задыхаясь, отчаянно пытаясь проглотить желчь, подступавшую к горлу. Через несколько мгновений он почувствовал, что тошнота утихла настолько, что он смог открыть слезящиеся глаза и огляделся вокруг.

Первое, что он заметил, оторвав голову от ковра — это то, что пол был сделан из абсолютно белоснежной глиняной плитки. Он посмотрел на большой белый мраморный камин. Пустые

стены тоже были абсолютно белыми, как и вся мебель, которую он мог бы описать как «ультра-постмодернистскую»; по крайней мере, ему показалось, что он вернулся в конец семидесятых годов.

Возле камина располагалась пара белых яйцевидных кресел, которые были подвешены к белому потолку на таких же белых крепких цепях. Между двумя креслами, обращенными к камину, стоял большой, покрытый полосатой шкурой зебры диван, а перед диваном находился журнальный столик из прозрачного стекла с пластиковыми белыми трубчатыми ножками.

Остальная мебель в комнате была в таком же стиле. Он никогда не видел столько белого цвета в одном месте одновременно. Гарри заметил, что все вокруг было покрыто толстым слоем пыли и лишь в области перед камином в слое пыли была брешь — от его не слишком грациозного появления.

В комнате были три белые двери и одна стеклянная, ведущая на улицу; еще была белая лестница, которая, скорее всего, вела на открытый чердак — с верхнего этажа напротив камина. Через перила Гарри мог различить большую кровать с «зебровыми» простынями.

Свет в комнату попадал через очень большой, но грязный люк, занимавший почти весь потолок над кроватью. Он представил себя ночью лежащим на этой кровати и смотрящим на звездное небо над головой. Гарри решил, что при таком количестве света, попадавшем в комнату, сейчас был либо очень поздний день, либо раннее утро.

Он осторожно поднялся по лестнице, чтобы осмотреть спальную зону, решив, что, скорее всего, останется здесь надолго. Он точно не будет возвращаться обратно через камин.

Поднявшись по лестнице, он увидел большой белый комод, над которым висело большое зеркало. Оно располагалось на стене, находившейся напротив изножья кровати. Стены чердака были покрыты чуть матовыми зеркальными квадратами, из-за чего пространство казалось намного больше, чем было на самом деле, и давало любому сидящему на кровати возможность беспрепятственно видеть себя практически со всех сторон.

Рядом с комодом была дверь, ведущая в небольшой санузел, в котором были лишь унитаз и накладная раковина, расположившаяся на столике с мраморным верхом — естественно, абсолютно белом.

В стене напротив лестницы были врезаны двери во французском стиле, которые, скорее всего, вели на балкон. Когда Гарри распахнул эти двери, он услышал успокаивающий шум океана и почувствовал запах тропических цветов, разносимый теплым ветерком. Выйдя на широкий балкон, он замер, пораженный красотой открывшегося ему вида.

Он смотрел на широкий пляж с белым песочком, идеально гладкий, с небольшими вкраплениями морских ракушек, редкими прядями засушенных водорослей и несколькими кусочками темного плавника. Нежные изумрудные волны, покрытые белой пеной, лениво ласкали береговую линию, в то время как парящие птицы иногда ныряли в волны, чтобы

перекусить свежими моллюсками. Вокруг было много пальм и разнообразной цветущей флоры, покрывающей ландшафт. Посмотрев направо, он разглядел сквозь деревья высокий выступ скалы, где вода перетекала через край и попадала в уютную лагуну с пресной водой.

«Лагуна любви Лили, — подумал он про себя. — Она прекрасна!»

Гарри не мог точно сказать, как долго простоял там, наслаждаясь видами и запахами уютного, скрытого от посторонних глаз гнездышка своих родителей. Этого времени было более чем достаточно, чтобы он понял, что сейчас утро, так как чистое безоблачное небо постоянно светлело. Вскоре яркие лучи солнца осветили вершину далекого водопада, купая его в своем тепле. Если бы с океана постоянно не дул бы прохладный ветерок, то, наверное, из-за прямых солнечных лучей температура была бы неприятно высокой.

Он очнулся из-за внезапного шума, донесшегося из дома. Он тихонько вошел обратно через французские двери, заглянул через перила вниз и увидел Гермину, растянувшуюся на шкуре белого медведя. Она тяжело дышала. Рядом с ней на спине лежала Котоне, отчаянно сжимавшая руками свою маску. Когда она сняла маску, он увидел, что маленькая девочка тоже никак не может отдышаться, хотя и кашляет не так сильно, как Гермину.

Гарри бросился вниз по лестнице и помог Гермине подняться на ноги, затем помог несчастной Котоне после того, как она закончила изрыгать куски костей и частично переваренных грызунов.

Когда он поднял плачущую девочку на руки, она заговорила сквозь слезы своим обычным скрипучим голосом:

— Прости меня, Шиши-сан! Я не хотела устраивать здесь беспорядок! Я сейчас все уберу!

Гарри многозначительно посмотрел на Гермину, которая сразу поняла, что он хотел ей сказать, вытащила палочку и очистила пол.

Гарри мягко обнял Котоне и сказал, поглаживая ее по спине:

— Тебе никогда не следует извиняться за то, что ты себя плохо чувствуешь, Котоне, ведь с этим ничего не поделаешь... Мерлин знает, как я сам не устроил такой же беспорядок, когда попал сюда!

Гарри вытер слезы со щек Котоне и понимающе улыбнулся. Он держал ее на руках всего минуту, прежде чем понял, что она заснула у него на груди. Гарри поднялся по лестнице, откинул пыльную простыню на кровати и осторожно уложил маленькую девочку. Он слегка поцеловал ее в лоб, прежде чем спуститься по лестнице, чтобы как следует поприветствовать Гермину.

Когда Гарри оказался внизу, он был удивлен, увидев широкую одобрительную улыбку на лице Гермионы, чего раньше никогда было, когда он возился с Котоне.

Гермиона ответила, поймав его вопросительный взгляд, опустив глаза на свои руки:

— Гарри, когда ты только взял на себя заботу об этой маленькой девочке, я подумала, что ты не сможешь с этим справиться. Я думала, что ты сделал это из-за жалости к ней, или, может быть, просто из сочувствия, но жалость и сочувствие могут привести только к одному. Мы знали, что у нас будет много работы. Много очень опасных вещей, с которыми нам предстоит столкнуться. Я была уверена, что ты не сможешь справиться с общественным мнением... И с ответственностью. Не пойми меня неправильно, но эта девочка очень нуждается. Ей нужно много внимания, и, честно говоря, я была уверена, что ты скоро от нее устанешь.

Гарри уже собрался защищаться, но Гермиона подняла руку, чтобы его остановить, и продолжила, прервав все возражения:

— Я очень рада, что я была неправа. Эта девочка любит тебя. Ты даже не представляешь, как сильно она тебя любит. Не думаю, что я вообще могу представить насколько сильно, но я знаю, что ты самый важный человек в ее жизни, и это совсем не случайно, — Гермиона замолчала и пристально посмотрела ему в глаза. — И теперь я вижу, что ты тоже ее любишь. Я вижу, как вы заботитесь друг о друге, и я думаю, что ты станешь для нее прекрасным отцом.

Гарри наклонился и поднял с медвежьей шкуры маску Котоне. Он смотрел на нее несколько мгновений, а затем рассеянно оглядел это место, которое его родители делили в более счастливые времена. Затем он взглянул на Гермиону, которая все еще улыбалась ему, хотя и немного нервно, переживая, что она обидела его тем, что только что сказала.

Пауза продлилась достаточно долго, чтобы голос не дрогнул от эмоций, когда Гарри ответил:

— Гермиона, спасибо, — затем он откашлялся и сказал: — Это для меня так много значит, что ты даже не можешь себе представить...

Гермиона с облегчением вздохнула, а затем огляделась по сторонам белой комнаты и попросила провести ей небольшую экскурсию по дому. Гарри объяснил ей, что и сам не видел весь дом, а только эту комнату, чердак и балкон, поэтому они решили исследовать дом вместе.

За дверью, расположенной у подножия лестницы, находилась очень большая ванная комната с массивной гидромассажной ванной, сауной и биде, а также стандартным туалетом и застекленной душевой кабиной. Удивительно, но вся комната была облицована плиткой бежевого цвета, а не ярко-белой, как он ожидал.

Дверь рядом с камином вела в просторную кухню с кучей посуды для сервировки и приготовления пищи, висящей над центральным островом, который можно было использовать как в качестве зоны для приготовления еды, так и в качестве обеденного стола — с одной

стороны стоял ряд барных стульев. Они быстро осмотрели пустую кладовую и столь же пустой холодильник. Похоже, что все приборы на кухне работали магическим образом, ведь в доме не было электричества.

Они вошли в третью дверь, расположенную в главной комнате и, к огромному удивлению, обнаружили полностью оборудованную детскую, хотя и казалось, что она никогда не использовалась. Скорее всего, Джеймс и Лили оборудовали это местечко, когда та еще была беременна, но не вернулись сюда после рождения Гарри.

На мгновение Гермионе показалось, что вид детской, предназначенной для него, расстроит Гарри, но он лишь бегло оглядел ее, молча вернулся в главную комнату и пошел к стеклянной двери, ведущей на пляж.

Гарри скинул кроссовки у двери и вышел на песчаный пляж. Он слышал, как Гермиона позади него сделала то же самое. Пока они шли, все, что было слышно — это мягкий шелест ветра в пальмовых листьях и крики чаек.

Гарри посмотрел на океан и спросил:

— Ты хоть представляешь, где мы?

— Похоже, что мы всего на четыре или пять часов отстаем от времени Гринвича, и, учитывая климат, я бы сказала, что это Карибский бассейн, возможно, где-то около Бермудских островов... или, может быть, рядом с Ямайкой. Интересно, мы единственные на этом острове? Я имею в виду, что дом выглядит так, как будто его годами никто не посещал, так что мы вполне могли бы остаться здесь. Было бы интересно узнать, наложены ли на это место какие-то степени магической защиты?

Гарри взглянул на Гермиону и заметил, что та улыбка, которая сияла на ее лице, пока они были в доме, угасла. Ее глаза были сосредоточены на одной точке где-то за горизонтом, и она погрузилась в размышления. Еще несколько минут они шли молча, пока тишину не нарушил ее робкий голос.

— Итак, похоже, ты обнаружил мою небольшую ошибку с Фиделиусом?

— Да, я никогда не думал, что как только я выйду из дома, то тут же забуду, где он. Я помню дом, но я понятия не имею, где он. И еще я был удивлен, что вы так быстро узнали, что я здесь. Теперь, когда ты тоже здесь, ты можешь рассказать мне, как мы сможем туда вернуться?

— Что ж, — с тревогой начала Гермиона, — я не могу тебе это рассказать. Я была тем, кто наложил заклинание, поэтому я не могла быть Хранительницей тайны. Как ты знаешь, это должен был быть Рон, но он был ранен, и я не хотела просить Полумну, поэтому Хранительницей тайны стала Котоне. Я была так измотана этим заклинанием, которое предполагалось наложить за полчаса, а это заняло больше суток. Я не удостоверялась, что

Котоне знает адрес... «дома».... Я... я не знаю, вернемся ли мы когда-нибудь еще в это место, и это полностью моя вина!

Увидев, что Гермиона готова расплакаться, Гарри взял ее за руку. Он успокаивающе сжал ее и сказал:

— Не переживай. Мне все равно никогда не нравилось это мрачное старое место...

— Но... Там же все твои вещи! И все вещи Котоне... Твоя «Молния» и плащ твоего отца! О, Гарри, мне так жаль!

Он снова сжал ее руку и сказал:

— Забудь об этом. Большую часть этих вещей можно купить заново. Через два дня у меня будет денег больше, чем у Мерлина, поэтому я смогу позволить себе такие покупки. Единственная проблема в том, что там осталась фотография семьи Котоне. Да, и палочки ее родителей, но я уверен, что она поймет.

Гермиона одарила его вялой улыбкой и продолжала идти, не выпуская его руки. Через минуту она вновь заговорила:

— Спасибо, что оставил эту записку. Никогда бы не догадалась, что из всех мест, которые являются твоей собственностью, ты отправишься именно сюда. К счастью, у меня остались распечатки с указанием твоего имущества.

Гарри улыбнулся и сказал:

— Я решил, что ты запомнишь весь список моего имущества даже и без распечаток.

Они прошли еще несколько шагов, прежде чем Гермиона сказала:

— Похоже, Дамблдор ошибся, решив, что он уничтожил хоркрукс, находящийся в кольце. Я случайно обнаружила, что фрагмент души из кольца все еще находится в гробнице вместе с его телом, — она дала Гарри время, чтобы он мог осознать то, что она только что сказала, а затем продолжила: — Похоже, если хоркрукс попадает в живое существо, имплантированный фрагмент души не умирает, когда умирает тело, поэтому, если Нагини действительно является хоркруксом, как считал Дамблдор, тогда просто убить змею будет недостаточно...

— Ты можешь изгнать его... из гробницы?

— Я раньше не пробовала проводить этот ритуал с неодушевленными предметами... он должен быть немного другим, но думаю, что смогу это сделать. Я не смогла этого сделать сразу, когда

обнаружила фрагмент души, потому что вокруг было слишком много людей и вот-вот должны были появиться сотрудники Министерства. Мы должны все спланировать и провести ритуал, когда вокруг никого не будет, может быть, ночью.

Они продолжили молча идти. Гарри невольно подумал, что это место, эта «лагуна любви» — это, наверное, самое романтическое место, которое он когда-либо видел. По взгляду Гермионы он понял, что она думает то же самое. Он вздохнул, подумав о том, что при других обстоятельствах, наверное, у него с Гермионой могло бы быть то же самое, что когда-то было у его родителей.

Когда его мысли сосредоточились на родителях, он внезапно кое-что вспомнил — то, о чем Гермиона когда-то упомянула лишь вскользь. Он был не уверен, серьезно ли она тогда это сказала или просто вспомнила какой-то миф о Некромантах.

— Когда ты сказала мне, что можешь «говорить с мертвыми» — что именно ты имела ввиду? — с любопытством спросил Гарри.

Взгляд Гермионы скользнул по песку, и она неохотно ответила:

— Ну, если верить книге, я могу вызвать проводника, который может помочь мне общаться с некоторыми духами. В книге об этом написано довольно расплывчато; якобы потребуются годы, чтобы наладить контакт с проводником, чтобы вообще выйти за пределы земной жизни. Во-первых, проводник должен быть готов, ведь ему придется довольно долго парить между этим миром и загробной жизнью, чтобы сориентироваться. В любом случае, это не то, что делается легко и просто.

В глазах Гарри вспыхнуло волнение, и он сказал:

— Так ты могла бы поговорить с моими родителями? С Сириусом? Или даже с Дамблдором?

— Я действительно не знаю, — тихо ответила Гермиона. — Как я уже сказала, на поиск проводника обычно уходят годы, а потом нужно время, чтобы наладить с ним «связь». Если я вообще сумею связаться с твоими родителями, боюсь, на это потребуются очень много времени.

Гарри понимающе кивнул, его волнение улеглось так же быстро, как и появилось. После еще одной минуты молчания он услышал, как Гермиона тихонько вздохнула, затем искоса бросила на него странный взгляд и рассеянно отвернулась к водопаду на дальней стороне лагуны.

— Гарри? — сказала Гермиона низким неуверенным тоном. Он едва расслышал ее из-за шума волн, бьющихся о берег.

Гарри сразу понял, что она собиралась ему сказать. Он ждал этого. На ходу он посмотрел на бескрайние просторы океана и просто спросил:

— М-м?

Гермиона бросила на него еще один нерешительный взгляд, а затем сказала:

— Теперь, когда снято заклинание, которое на нас наложила Джинни... ну... Ты думал о... о том, не должны ли мы попытаться восстановить ту душевную связь, которая у нас была? Я прочитала об этом ритуале. Это довольно просто, правда... Ну, то есть просто для кого-то вроде нас. Невозможно сформировать душевную связь, если только она не возникла естественным образом, а это означает, что нельзя сформировать мнимую связь. Только для того, чтобы восстановить ту, которая... была у нас.

Гермиона замолчала и снова подняла на Гарри глаза, поняв, что он ей ничего не отвечает.

На самом деле, Гарри много думал об их связи и понял, что остались все те же проблемы, что и раньше. Все то, о чем он рассказал Бену Боунсу, когда они ели в «Дырявом котле» гороховый суп, до сих пор было так же актуально, хотя теперь и несколько сгладилось.

Как «друг» она, естественно, будет в опасности, и он знал, что он ничего не сможет сказать или сделать, чтобы удержать ее от того, чтобы она следовала за ним. Но как «подруга»... Неужели это уже совсем другая история? А может, тогда ее положение станет еще более опасным? Сможет ли он хоть как-то это оправдать, учитывая тот факт, что Котоне теперь стала важной частью его жизни и делает его уязвимым... как и Гермиона?

Гарри огляделся, замечая умиротворение и красоту, которые казались неотъемлемой частью этого пейзажа. Его родители были здесь... вместе... любили друг друга, хотя бушевала война. Наверное, у них были планы на это местечко, когда закончится война. Они не переставали жить своей жизнью, несмотря на окружающую их опасность. В тот момент он понял, что они бы не хотели, чтобы он отказывался от чего-то столь особенного. Они не хотели бы, чтобы он отказывал себе в любви или счастье, особенно из-за какой-то глупой мысли, что так он сможет ее «защитить». Это было бы несправедливо по отношению к Гермионе. Если бы он умер, Гермиона оплакивала бы его одинаково сильно, неважно, кем он был для нее — другом или возлюбленным. Он знал, что если бы умерла она, он почувствовал бы то же самое.

Ему было совсем не до любви в последние несколько лет, и всему виной был Волдеморт, ведь это его хоркрукс так повлиял на Джинни, и их с Гермионой связь оборвалась. Как бы прошли последние несколько лет без его вмешательства? Как могли бы сложиться следующие несколько лет, если эта ситуация не была бы исправлена? Он никогда не узнает ответа на первый вопрос, но он бы чертовски хотел узнавать ответ на второй. Он резко развернулся и пошел обратно к дому.

Гермиона тоже повернулась и пошла вслед за Гарри, опустив глаза и наблюдая, как мелкий песок расплывается у нее под ногами с каждым новым шагом. Она остановилась на полпути, когда услышала, как он сказал:

— Если ты все еще хочешь, давай сделаем это.

Гермиона подняла голову и встретилась взглядом с Гарри. Она изучала его лицо какое-то время, а затем спросила:

— Ты... ты уверен?

Гарри повернулся к ней, протянул руку и взял ее ладонь в свою:

— Я всю свою жизнь прожил, не зная, что такое «любовь». Я знаю, что я люблю Котоне. Хотя она была со мной совсем недолго, я уже даже не представляю, что было бы, если ее не было рядом. Мы собираемся дать друг другу то, что нужно нам обоим. Стать семьей. Я люблю ее, но я знаю, что это не то, что у меня могло бы быть с тобой. Я был глуп, отрицая это так долго, и я понял, чего же мне не хватало, только когда было уже слишком поздно. Я хочу снова это почувствовать, Гермиона... Я хочу почувствовать это с тобой.

Гермиона заплакала, но на ее лице сияла улыбка. Она бросилась Гарри на шею, крепко обняв его. Она прижалась к нему и между тихими всхлипами сказала:

— Когда я прочитала эту записку... Ты сказал, что ты не забыл, что я люблю тебя... Я знаю, что сейчас не чувствую этого, но я тоже не забыла... и... Я тоже хочу почувствовать это снова. Мне нужно снова это почувствовать! Я была так несчастна, ведь все, что со мной происходило... Я Некромант и сделала то, что сделала, и я боялась, что ты никогда не захочешь восстановить нашу связь. Что ты ни за что не захочешь быть с кем-то вроде меня!

Она обняла его еще крепче и заплакала у него на плече. Он очень хорошо чувствовал два аппетитных вздымающихся холмика, прижавшихся к его груди — те самые два холмика, которые так часто всплывали в его снах. Он был очень удивлен реакцией нижней части своего тела на два этих холмика. Он не чувствовал этого волнения уже очень долгое время.

Конечно, когда органы Гарри начали реагировать на их объятия, Гермиона почувствовала их движение, и ее тело неожиданно отреагировало на эти объятия так же, как и его. Она тихонько вздохнула, когда почувствовала, как у нее между ног становится влажно... Ощутила слабое, покалывающее ощущение в нижней части живота, и волна тепла подкатила к ее груди. Это не случилось с ней уже очень долгое время! Она непроизвольно прижалась к нему тазом, отчего Гарри удивленно вздрогнул и тяжело задышал.

После того, как Джинни сняла заклятье, они сейчас впервые вновь испытали естественный гормональный всплеск. Новообретенный прилив сексуального желания застал их обоих врасплох. Его так долго не было, что они не знали, как с этим справиться.

Гермиона сглотнула слезы и спросила хриплым голосом, заставившим бабочек в животе Гарри вздрогнуть:

— Когда бы ты хотел попробовать?

— Как только у нас появится возможность, — сказал он, выдохнув ей в макушку. — Тебе не кажется, что мы и так ждали уже достаточно долго?

Гермиона отстранилась от него, чтобы заглянуть ему в глаза, и он сразу почувствовал, как пропал контакт с ее теплым телом. Ее голос все еще был хриплым, но она улыбнулась и сказала:

— Хорошо, давай вернемся в дом.

Они ускорили шаг, пока шли вдоль берега, им обоим хотелось вернуть то, что у них так давно отняли. Вскоре они оба сидели у океана на широком одеяле, наколдованном Гермионой. Они смотрели друг на друга нервно и взволнованно.

Гермиона ободряюще улыбнулась Гарри и объяснила ему:

— Ну что, нам нужно, чтобы наши души на короткое время слились. Должно хватить всего нескольких секунд. Нет никакого другого ритуала, заклинания или чего-то еще. Два человека, у которых никогда не было связи, могут пробовать это хоть каждый день до конца своей жизни, и ничего не выйдет. Поскольку у нас родственные души, слияние должно восстановить нашу связь друг с другом. Первое, что нам нужно сделать, это каждому войти в необходимое «состояние». Тогда мы сможем отделиться от наших тел и двигаться вместе. Как только это будет сделано, мы просто «вернемся» в свои тела и рассеем это «состояние».

Гарри кивнул, надеясь, что все это будет так же просто, как она сказала. Он смотрел, как Гермиона закрыла глаза и поднесла кончик палочки к своему лбу. Он вздохнул, а затем громко откашлялся. Она вновь открыла глаза и вопросительно посмотрела на его хмурое лицо.

Он поднял руки, чтобы показать Гермионе, что его руки совершенно пусты, и сказал:

— Как я могу войти в нужное «состояние» без палочки?

— Ой! — смутившись, воскликнула Гермиона: — Ну, наверное, я должна была сказать тебе раньше. Согласно книге, Чернокнижники должны иметь возможность входить в это «состояние» и без палочки, точно так же, как Котоне делает это благодаря магии Они. Это работает точно так же, просто закрой глаза и сконцентрируйся на своем символе. Теперь, когда ты знаешь, что ты должен увидеть, тебе должно быть намного проще.

Гарри на секунду скептически взглянул на нее, затем пожал плечами, закрыл глаза и попытался сконцентрироваться, а Гермиона снова приложила кончик палочки ко лбу.

Котоне стояла на неровном выступе скалы, глядя на мрачный и унылый пейзаж родины ее отца, и ее грустные фиолетовые глаза были устремлены в какую-то точку в темноте. Полумесяц выглядывал из-за высоких редких облаков, и довольно резкий ветер дул ей в лицо, заставляя ее волосы шевелиться все сильнее и сильнее. Остатки тумана, унесенные ветром, промчались мимо нее, заставив ее белое кимоно вздыматься и развеиваться у нее за спиной.

— Здравствуй, отец, — тихонько сказала она на своем родном языке.

Из темноты позади нее появилась высокая фигура. Его копна длинных белых волос развеивалась на ветру, как и волосы самой Котоне. На нем была надета тяжелая меховая мантия, такая же белая, как и его кимоно, и, похоже, буря вокруг него была ему совершенно нипочем. Однако перья на его массивных крыльях были растрепаны и колыхались от ветра.

Котоне повернулась к своему отцу Они и склонилась в вежливом поклоне, прежде чем снова выпрямиться перед ним.

— Приветствую, дитя мое, — сказал он нежным, почти женским голосом, который, казалось, эхом разнесся по пустынной местности. — Я очень горжусь тобой. До сих пор ты хорошо справлялась со своей задачей, даже с учетом тех проблем, с которыми ты столкнулась.

Котоне еще раз уважительно поклонилась ему и сказала:

— Спасибо, отец.

Высокий человек остановился, глядя на Котоне, и стал внимательно вглядываться в ее черты. Она пыталась сохранять как можно более нейтральное выражение лица, но не могла от него ничего скрыть.

— Ты боишься, — сказал он без всякого намека на вопрос, — ты не уверена в своей задаче. Я знаю, что то, что ты должна сделать — это очень трудно. Я знаю, как много ты страдала и сколько тебе еще суждено страдать, пока ты не покинешь этот мир.

Котоне стояла молчаливая и почти неподвижная, и ее крохотное тело почти не двигалось под порывами ветра.

Отец заметил слезы, выступившие у нее на ресницах, прежде чем ветер унес их в ночь. Он тихо вздохнул и легонько положил руку ей на голову.

— Ты последний ребенок. Ты — единственная, кто остался в роду Кобаяси, последняя дочь долга, который причитается за две тысячи лет. Ты — последний платеж, и тебе дали возможность начать все сначала. Не расстраивайся. Не бойся. Проценты по этому долгу будут

уплачены тебе по завещанию, и твоя жертва...

Высокий человек внезапно замер. Его желтые глаза решительно взглянули на горизонт, а тонкие белые брови сосредоточенно нахмурились.

Его глаза метнулись к Котоне, и он быстро сказал:

— Ты должна вернуться к своей задаче! Скорее!

Котоне хотела поклониться, но была поражена голосом отца, уже не мягким и спокойным, а глубоким и властным:

— СЕЙЧАС!

* * *

Глаза Котоне распахнулись. Она обнаружила, что лежит на чужой кровати с простынями в полоску под «зебру», глядя вверх на дневной свет через грязный люк в крыше. Она вскочила с кровати и бросилась к перилам, глядя вниз на пустую гостиную дома, куда ее доставила Вашичан.

Она повернулась и бросилась в открытые французские двери, ведущие на балкон. Глядя на блестящую береговую линию, она заметила Шиши и Ваши, неподвижно сидящих на одеяле, расстеленном на песке. Она ненадолго закрыла глаза и почувствовала знакомое ощущение ускорения времени.

Когда она открыла глаза, она увидела призрачные образы льва и орлицы, поднимающиеся из сидящих на одеяле тел. Ее сердце замерло, когда она поняла, что они пытаются сделать и что произойдет, если он позволит своей душе покинуть тело.

«О нет! — в отчаянии подумала она: — Пожалуйста, не нужно!»

— Шиши! Нет! — закричала Котоне грубым, скрипучим голосом так громко, как только смогла: — Пожалуйста, остановись!

В панике она опустилась на четвереньки и со скоростью борзой выбежала через французские двери, спустилась по лестнице и выскочила на пляж. Она не могла двигаться по мягкому песку

так же быстро, как по твердой поверхности. Со слезами на глазах она продолжала звать Гарри, умоляя его прекратить то, что он пытался сделать, но не была уверена, что он услышит ее сквозь шум прибоя.

Когда она добралась до сидящей на одеяле пары, то зарычала от напряжения, оттолкнулась ногами и сильно ударилась о Гарри, сбив его с одеяла, и повалила его на песок.

Во время прыжка Котоне заставила себя войти в свое «состояние», и казалось, что она медленно приближается к Гарри. Она уже готовила свой разум к установлению с ним связи, но в последний момент увидела, как он открыл глаза. Когда она наклонилась к нему, они были такими же зелеными и яркими, как обычно, хотя в них читались шок и удивление.

* * *

Гарри чувствовал, как его душа медленно покидает тело. Было очень странно видеть орлиный образ души Гермियोны, парящий над ее телом. Он чувствовал, как он тянется к этому образу. Он видел, как что-то слегка выступает из ее души, и, глядя на себя, он видел ту же трепещущую нить; это было похоже на конец разорванной нити, торчащий из его собственного тела.

Внезапно краем глаза он увидел нечто, что одновременно и напугало, и восхитило его. Огромный ангел с широко распахнутыми крыльями, облаченный в развевающиеся одежды, неся к нему через пляж. Отвлеченный от своей задачи по восстановлению связи с Гермियोной, Гарри наблюдал, как ангел приближается к нему с невероятной скоростью.

Он не совсем понимал, как это сделал, наверное, просто инстинктивно, но он заставил свою душу вернуться в тело за мгновение до того, как ангел приблизился к нему.

Он открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как Котоне летит по воздуху. Мгновение спустя он понял, что лежит на спине, а на его груди находится маленькая ведьмочка. Она сильно вспотела, никак не могла отдышаться и плакала. Он никогда не видел ее такой расстроенной. Ему было трудно дышать из-за того, что она душила его в объятиях.

— Котоне! Что случилось? — спросила Гермiona, стоявшая над ними с встревоженным выражением лица.

Спустя минуту Котоне смогла отдышаться, и объяснила.

— Шиши-сан, ты не можешь выйти из тела... — сказала Котоне, но ей было очень трудно без

маски. — Ты забыл... Если ты...

Прекратив говорить, она мысленно установила связь с Гарри:

«Ты не можете позволить своей душе покинуть тело. Ты забываешь, что змей все еще с тобой. Он знал, что ты пытаешься сделать. Он прячется внутри тебя и ждет, чтобы тебя забрать...Понимаешь?»

И Гарри действительно понял. Он совсем забыл о частице души Волдеморта внутри себя. Он содрогнулся при мысли о том, что бы произошло, если бы он полностью оставил свое тело. Стал бы он бестелесной душой и плыл бы по миру? Стал чем-то менее заметным, чем призрак? И что случилось бы с Гермионой и Котоне, если бы Волдеморт полностью овладел его телом?

Когда он передал Гермионе то, что ему «сказала» Котоне, она страшно побледнела. Похоже, она тоже забыла. Гермиона вновь погрузилась в свое «состояние», и, конечно же, черная эфирная змея внутри Гарри была совершенно неподвижна, плотно свернулась кольцом. Если бы она не знала о ее существовании в душе Гарри, то она, скорее всего, даже не заметила бы ее.

Гарри поднял Котоне с груди и усадил ее рядом с собой. Он сидел с закрытыми глазами, но в глубине души был возмущен, что Волдеморт в очередной раз отказывает ему в счастье. Опять запрещает ему полюбить. «Будь проклят этот парселтанг!» — с горечью подумал Гарри. Он проживет и без него. Когда он, наконец, встретится с Нагини, ей несдобровать. Однажды он уже убил змею и покрупнее...

— Избавься от него, — угрюмо сказал Гарри, — вытащи из меня этот гребаный кусок дерьма!

Гермиона не выказала ни малейшего колебания. С мрачным и решительным видом она села перед ним на песок, закрыла глаза, приложила кончик палочки ко лбу и начала медленно вытягивать из него тонкую струйку крови.

<http://tl.rulate.ru/book/95388/3818754>